«РАЗРЫВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»: СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Тешаева Мухаббатбегим Илхомжон кизи
Университет мировой экономики и дипломатии
Магистр факультета международного права
Muhabbatbegimteshaeva@gmail.com 995942733

Аннотация: Статья посвящена соотношению международно-правовой ответственности государств и международной уголовной ответственности физических лиц. Выявляются структурные различия между режимами — стандарт доказывания, правовые последствия и субъект ответственности, — образующие устойчивый феномен «разрыва ответственности». На материале дел Международного суда ООН, Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного уголовного суда рассматриваются практические коллизии двух режимов: иммунитет должностных лиц и расхождение стандартов атрибуции поведения государству.

Ключевые слова: ответственность государств, международная уголовная ответственность физических лиц, разрыв ответственности, атрибуция поведения государству, иммунитет должностных лиц, эффективный контроль, общий контроль.

Annotatsiya: Maqola davlatlarning xalqaro-huquqiy javobgarligi hamda jismoniy shaxslarning xalqaro jinoiy javobgarligi o‘rtasidagi o‘zaro nisbatni tadqiq etishga bag‘ishlangan. Unda ushbu ikki javobgarlik rejimi o‘rtasidagi tuzilmaviy farqlar, xususan, isbotlash standarti, huquqiy oqibatlar va javobgarlik subyekti tahlil qilinib, ular «javobgarlik uzilishi» fenomenini shakllantirishi asoslab beriladi. BMT Xalqaro sudi, Sobiq Yugoslaviya bo‘yicha Xalqaro jinoiy tribunal hamda Xalqaro

jinoiy sud amaliyoti asosida mazkur ikki rejim o‘rtasida yuzaga keladigan amaliy kolliziyalar, jumladan, mansabdor shaxslarning immuniteti va xatti-harakatlarni davlatga nisbat berish (atributsiya) mezonlaridagi tafovutlar ko‘rib chiqiladi.

Kalit so‘zlar: davlatlarning xalqaro-huquqiy javobgarligi, jismoniy shaxslarning xalqaro jinoiy javobgarligi, javobgarlik uzilishi, xatti-harakatlarni davlatga atributsiya qilish, mansabdor shaxslarning immuniteti, samarali nazorat (effective control), umumiy nazorat (overall control).

Abstract: This article examines the relationship between the international responsibility of States and the international criminal responsibility of individuals. It identifies the structural differences between these two regimes, including the standard of proof, legal consequences, and the subject of responsibility, which together constitute the persistent phenomenon of the "responsibility gap." Based on the case law of the International Court of Justice, the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, and the International Criminal Court, the article analyzes the practical conflicts arising between these two regimes, with particular emphasis on the immunity of State officials and the divergence in the standards for the attribution of conduct to a State.

Keywords: State responsibility, international criminal responsibility of individuals, responsibility gap, attribution of conduct to a State, immunity of State officials, effective control, overall control.

Актуальность темы обусловлена тем, что с середины XX века наряду с ответственностью государств сформировался самостоятельный институт международной уголовной ответственности физических лиц. Оба режима применяются параллельно, однако опираются на разные стандарты доказывания и порождают разные правовые последствия, что создаёт практические коллизии в судебной практике и требует специального анализа.

Цель исследования заключается в выявлении структурных различий между международно-правовой ответственностью государств и международной уголовной ответственностью физических лиц, а также в

анализе их проявления в практике международных судебных органов — прежде всего применительно к иммунитету должностных лиц и атрибуции поведения государству.

Методика исследования. Для достижения поставленной цели применяется комплекс методов юридической науки. *Метод юридического анализа* используется для изучения Статей об ответственности государств 2001 года, Римского статута Международного уголовного суда и практики Международного суда ООН. *Сравнительно-правовой метод* применяется для сопоставления двух режимов ответственности и практики Международного суда ООН и Международного трибунала по бывшей Югославии. *Доктринальный метод* основан на изучении трудов Кассезе, Кроуфорда, Спинеди и Лановой, позволяющих оценить конкурирующие подходы к атрибуции и разграничению режимов ответственности.

Нюрнбергский трибунал (1945–1946) впервые провозгласил, что преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями, и лишь путём наказания виновных лиц нормы международного права могут быть соблюдены 1 . С этого момента индивидуальная уголовная ответственность развивалась как самостоятельная отрасль международного права, достигнув нормативной зрелости с принятием Римского статута Международного уголовного суда (МУС) 1998 года. В отличие от ответственности государства, носящей объективный характер и не требующей установления вины, индивидуальная уголовная ответственность неразрывно связана с умыслом или преступной небрежностью конкретного

1Нюрнбергский процесс: сборник материалов. В 8 т. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 1. С. 13.

лица 2 . Кассезе определяет субъекта такой ответственности через три признака: i) лицо действовало в нарушение международно-правового запрета; ii) деяние обладает достаточной тяжестью, чтобы влечь уголовную санкцию; iii) существует орган, управомоченный его преследовать3.

Должностное положение обвиняемого не освобождает его от ответственности. Которое является продолжением Принципа II Нюрнберга4. Предметная юрисдикция МУС охватывает геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии. Статья 25 Римского статута закрепляет формы соучастия, а статья 28 - ответственность командования за преступления подчинённых5.

Сопоставление судебной практики позволяет выделить три отличия, которые на доктринальном уровне нередко затушёвываются.

Во-первых, *стандарт доказывания*, а именно то, что Международный суд ООН требует «убедительных доказательств» при установлении противоправного деяния государства. Тогда как в международном уголовном праве действует стандарт «вне разумных сомнений»6 — одни и те же факты могут быть достаточными для осуждения физического лица и недостаточными для атрибуции государству, и наоборот.

2Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Ст. 30 // UNTS. Vol. 2187. No. 38544.

3Cassese A., Gaeta P. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. Ch. 1.

4Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала. Приняты КМП ООН в 1950 г. Принцип II; Римский статут МУС. Ст. 27.

5Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Ст. 5, 25(3)(a), 28 // UNTS. Vol. 2187. No. 38544.

6Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» от 12 декабря 2001 г. Ст. 34–37 // Doc. A/RES/56/83.

Во-вторых, *правовые последствия*, это ответственность государства влечёт репарацию — реституцию, компенсацию, сатисфакцию, тогда как ответственность физического лица — уголовное наказание 7 . Осуждение индивида не освобождает государство от обязанности возмещения, а компенсация государством не устраняет уголовной ответственности виновных лиц.

В-третьих, различается *субъект, перед которым несётся ответственность*. Государство отвечает перед государством-потерпевшим, физическое лицо — перед международным сообществом. Эти три различия образуют структурную основу «разрыва ответственности», проявляющегося наиболее остро в вопросах иммунитета должностных лиц и атрибуции поведения государству.

В обычном международном праве разграничиваются иммунитет *ratione personae* — абсолютный, распространяющийся на действующих глав государств, правительств и министров иностранных дел. И иммунитет *ratione materiae* — функциональный, защищающий официальные действия и после оставления должности8. В деле «Ордер на арест» (Конго против Бельгии, МС ООН, 2002) суд признал, что действующий министр иностранных дел пользуется абсолютным иммунитетом от уголовной юрисдикции иностранных государств, сформулировав четыре исключения из него9. Дело «Пиночет» (Палата лордов Великобритании, 1998–1999) обозначило пределы

7Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Ст. 66(3), 77 // UNTS. Vol. 2187. No. 38544.

8Юлдашева Г. Дипломатическое и консульское право: учебник. Ташкент: УМЭД, 2014. С. 69–70; Gaeta P. Official Capacity and Immunities // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary / ed. by A. Cassese, P. Gaeta, J.R.W.D. Jones. Oxford: Oxford University Press, 2002. Vol. I. P. 975–978.

9International Court of Justice. Case Concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). Judgment. 14 February 2002. ICJ Reports 2002. §§ 51–55.

иммунитета *ratione materiae*. Систематическое применение пыток не может считаться «официальным действием» государственного должностного лица10. Данная коллизия, известная как «дилемма Спинеди», не получила окончательного разрешения ни в доктрине, ни в судебной практике11. Вторым узлом практических коллизий является расхождение стандартов атрибуции поведения негосударственных вооружённых формирований государству. В деле «Никарагуа против США» (МС ООН, 1986) суд применил стандарт **«эффективного контроля»**, требующий доказательства направляющего влияния государства на каждую отдельную операцию12. Международный трибунал по бывшей Югославии в деле «Прокурор против Тадича» (1999) выработал альтернативный стандарт **«общего контроля»**, признающий атрибуцию достаточной при доказанности общего руководства и финансирования формирования13. МС ООН последовательно отверг этот критерий, подтвердив приверженность «эффективному контролю» в делах «Босния против Сербии» (2007) и «Хорватия против Сербии» (2015)14 — расхождение, наглядно проявившееся в деле о геноциде в Сребренице, где МС ООН не смог атрибутировать геноцид Сербии, тогда как Трибунал установил

10Regina v. Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate and Others, ex parte Pinochet Ugarte (No. 3). House of Lords. Judgment. 24 March 1999. [1999] 2 All ER 97.

11Spinedi M. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur? // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. No. 4. P. 895–899.

12International Court of Justice. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment. 27 June 1986. ICJ Reports 1986. § 115.

13International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Prosecutor v. Duško Tadić. Case No. IT-94-1-A. Appeals Chamber. Judgment. 15 July 1999. § 131.

14International Court of Justice. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). Judgment. 26 February 2007. ICJ Reports 2007. §§ 391–415; Application of the same Convention (Croatia v. Serbia). Judgment. 3 February 2015. ICJ Reports 2015. § 104.

индивидуальную ответственность конкретных лиц за то же деяние. Это создаёт структурный «разрыв ответственности» то есть поведение, достаточное для уголовного осуждения, может оказаться недостаточным для атрибуции государству15.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что «разрыв ответственности» — не доктринальная абстракция, а устойчивое явление судебной практики, порождаемое несовпадением стандартов доказывания, правовых последствий и адресата ответственности двух режимов. Как убедительно показывает Папаринскис, кодификация 2001 года «выдержала проверку временем», однако новые вызовы — прежде всего гибридные конфликты с участием негосударственных акторов — создают «законодательное окно» для переосмысления фундаментальных элементов права ответственности 16 . Преодоление «разрыва ответственности» требует согласования критериев атрибуции, разрешения коллизии между иммунитетом и юрисдикцией МУС, а также укрепления механизмов исполнения его решений.

Список использованной литературы:

1. Нюрнбергский процесс: сборник материалов. В 8 т. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 1. С. 13.
2. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Ст. 30 // UNTS. Vol. 2187. No. 38544.
3. Cassese A., Gaeta P. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. Ch. 1.

15Lanovoy V. The Use of Force by Non-State Actors and the Limits of Attribution of Conduct // European Journal of International Law. 2017. Vol. 28. No. 2. P. 563–564. DOI: 10.1093/ejil/chx025.

16Paparinskis M. The Once and Future Law of State Responsibility // American Journal of International Law. 2020. Vol. 114. No. 4. P. 618–621. DOI: 10.1017/ajil.2020.60.

4. Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала. Приняты КМП ООН в 1950 г. Принцип II; Римский статут МУС. Ст. 27.
5. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Ст. 5, 25(3)(a), 28 // UNTS. Vol. 2187. No. 38544.
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» от 12 декабря 2001 г. Ст. 34–37 // Doc. A/RES/56/83.
7. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Ст. 66(3), 77 // UNTS. Vol. 2187. No. 38544.
8. Юлдашева Г. Дипломатическое и консульское право: учебник. Ташкент: УМЭД, 2014. С. 69–70; Gaeta P. Official Capacity and Immunities // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary / ed. by A. Cassese, P. Gaeta, J.R.W.D. Jones. Oxford: Oxford University Press, 2002. Vol. I. P. 975–978.
9. International Court of Justice. Case Concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). Judgment. 14 February 2002. ICJ Reports 2002. §§ 51–55.
10. Regina v. Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate and Others, ex parte Pinochet Ugarte (No. 3). House of Lords. Judgment. 24 March 1999. [1999] 2 All ER 97.
11. Spinedi M. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur? // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. No. 4. P. 895–899.
12. International Court of Justice. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment. 27 June 1986. ICJ Reports 1986. § 115.
13. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Prosecutor v. Duško Tadić. Case No. IT-94-1-A. Appeals Chamber. Judgment. 15 July 1999. § 131.

14. International Court of Justice. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). Judgment. 26 February 2007. ICJ Reports 2007. §§ 391–415; Application of the same Convention (Croatia v. Serbia). Judgment. 3 February 2015. ICJ Reports 2015. § 104.
15. Lanovoy V. The Use of Force by Non-State Actors and the Limits of Attribution of Conduct // European Journal of International Law. 2017. Vol. 28. No. 2. P. 563–564. DOI: 10.1093/ejil/chx025.
16. Paparinskis M. The Once and Future Law of State Responsibility // American Journal of International Law. 2020. Vol. 114. No. 4. P. 618–621. DOI: 10.1017/ajil.2020.60.